

ВИТГЕНШТЕЙН КАК «ПОПУТЧИК» КОНТЕКСТУАЛИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ*

**Санженakov Александр
Афанасьевич** – кандидат
философских наук, старший
научный сотрудник.
Институт философии и права
СО РАН.
Российская Федерация,
630090, г. Новосибирск,
ул. Николаева, д. 8;
e-mail: sanzhenakov@
gmail.com

В ответной статье предпринята попытка критически отнестись к концепции языковых игр, а также к гипотезе К.А. Родина о влиянии Витгенштейна на социальную науку через привнесение контекстуализма. Витгенштейн предлагает поставить языковые игры на первое место по отношению к чувствам и внутреннему опыту индивидов, принимающих участие в общих практиках. Против этого приводится следующий аргумент: косвенная осведомленность в правилах и нормах, в которых индивид не участвует или которые нарушаются им, говорит о том, что осмысленность действий проистекает не только из контекста, но и из внутреннего рефлексивного понимания. В заключительной части статьи автор обращается к работе Э. Дюркгейма «Самоубийство: социологический этюд», чтобы показать, что контекстуализм в том виде, как он представлен в статье К.А. Родина, возможно, имеет корни в самой социологии.

Ключевые слова: Витгенштейн, Дюркгейм, социология, теория действия, намерение, воля, контекстуализм

WITTGENSTEIN AS A “FELLOW TRAVELER” OF CONTEXTUALIST SOCIOLOGY

Alexander A. Sanzhenakov –
PhD in Philosophy, Senior
Research Fellow.
Institute of Philosophy
and Law, Siberian Branch
of the Russian Academy
of Sciences.
8 Nikolaeva St., Novosibirsk,
630090, Russian Federation;
e-mail: sanzhenakov@
gmail.com

The article attempts to criticize the concept of language games, as well as the hypothesis of K.A. Rodin on Wittgenstein’s influence on social science through the introduction of “contextualism”. Wittgenstein proposed to place language games in the first place in relation to the feelings and inner experience of individuals participating in common practices. The author of the article puts forward the following argument against it: indirect awareness of the rules and norms in which the individual does not participate or to which s/he does not obey suggests that the meaningfulness of actions stems not only from the context, but also from internal reflective understanding. In the final part of the article, the author refers to the work of E. Durkheim “Suicide: A Study in Sociology” in order to show that contextualism, as K. Rodin understands it, may have its own roots in sociology.

Keywords: Wittgenstein, Durkheim, sociology, theory of action, intention, will, contextualism

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10082П «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории».

В своей статье К.А. Родин предпринимает попытку собрать воедино разрозненные заметки Витгенштейна о природе намерения как такового и преднамеренного действия, а также обрисовать некоторые следствия этих наработок для социальной теории и социологии. Начинается статья с общих замечаний о влиянии философии Витгенштейна на социологию научного знания (Питер Уинч, Дэвид Блур). С точки зрения автора, и социальная эпистемология П. Уинча, и «сильная программа» науки Д. Блура разделяют общие принципы т.н. контекстуализма, согласно которому наука неотделима от человеческих практик [Родин, 2022]. Автор рассматриваемой статьи обнаруживает доводы в пользу контекстуализма в исследованиях о цвете и религии, базирующихся на философии позднего Витгенштейна. Следует отметить, что автор очень осторожно делает выводы и обращает внимание на то, что Витгенштейна в данном случае следует расценивать как «случайного союзника» или «попутчика». Тем не менее общий посыл статьи заключается в том, чтобы показать, что современные социальные исследования проходят под знаком обозначенного выше контекстуализма не без влияния Витгенштейна. В отношении теории действия (в той мере, насколько допустимо говорить о теории применительно к автору «Философских исследований») Витгенштейна автор статьи ставит две задачи: показать исключительную важность принципа контекстуализма и высказать некоторые гипотезы о возможной продуктивности использования идей Витгенштейна по теории действия в социальной теории.

Одним из главных тезисов в заметках Витгенштейна по интересующей нас теме является критика воли как отдельного действия. Другими словами, Витгенштейн подвергает сомнению распространенную интуицию, что воля представляет собой одну из частей механизма осуществления действия. Отсутствие пространственного и временного измерения воли используется в качестве одного из аргументов в пользу устранения волевых актов из объяснения наших действий. Мы полагаем, что скептицизм позднего Витгенштейна в этом месте связан с его убеждением в невозможности понять смысловое содержание языковых выражений без обращения к контексту, в котором они функционируют. Проблематика соотношения значения и высказывания, смысла и языка отразилась и на проблеме корреляции действия и намерения. «Намерение, с которым действуют, “сопровождает” действие ничуть не больше, чем мысль “сопровождает” речь. Мысль и намерение не являются ни “простейшими”, ни “составными”; их нельзя сопоставить ни единой ноте, звучащей во время действия или разговора, ни мелодии» [Витгенштейн, 2018, с. 317]. Таким образом, интуиция Витгенштейна относительно преднамеренного действия такова, что нельзя намерение рассматривать отдельно от самого действия и придавать ему (намерению) причинный характер. Подобно тому как слова и высказывания получают свой смысл от контекста, в котором они употребляются, действие также

получает свой смысл не через намерение агента, а через условия его совершения. «Намерение включено в ситуацию, в человеческие обычаи и институты. Если бы техника игры в шахматы не существовала, у меня не могло бы возникнуть намерение сыграть в шахматы. Насколько я действительно намереваюсь сконструировать предложение заранее, настолько это возможно благодаря тому, что я умею говорить на рассматриваемом языке» [Витгенштейн, 2018, с. 168].

Зачастую Витгенштейн обращается к языковым выражениям, призванным описать намерение, которое не было исполнено. Один из аспектов анализа подобных выражений связан с тезисом об отсутствии самореференции желания (назовем это так). «Я могу пожелать что-то сделать – именно потому что я никогда не могу **попытаться** пожелать» [Родин, 2021, с. 22]. Различие между «пожелать сделать X» и «попытаться пожелать сделать X» заключается очевидным образом в том, что желание (или намерение) может быть направлено на действие (точнее, на будущее действие), но не может быть представлено в самореферентном виде. Витгенштейн по этому поводу пишет: «...я не могу волить волю; то есть не имеет никакого смысла говорить о намерении намерения» [Витгенштейн, 2018, с. 238]. Почему мы можем *сказать*, что некто попытался пожелать сделать что-то, но *представить* это вряд ли можем? Вероятно, потому что одна из распространенных в западноевропейской философии концепций воли предполагает, что волевые акты не являются рациональными, но стоят ближе к некоторым чувствам и неразумным порывам, а поэтому по определению направляются на желаемый предмет, который, безусловно, отличается от самого намерения. Возможно, поэтому Витгенштейн в «Философских исследованиях» говорит о «чувстве» намерения. Так или иначе, но для Витгенштейна важно, что в нашем языке закрепились выражения, призванные выразить наши чувства относительно наших намерений (в том числе не реализованных), а значит, существует языковая игра, которая является *первичной* по отношению к тем чувствам, которые мы имеем относительно собственных намерений. «С какой целью можно сказать кому-то, что в прошлом у меня было такое-то желание? – Взгляни на языковую игру как на нечто первичное. И воспринимай чувства и т.д. как способ рассмотрения, истолкования языковой игры» [Там же, с. 248].

Попробуем применить эту методологию к морали как одному из важнейших социальных явлений. Если сказанное выше верно, то мое чувство долга или стремление поступить справедливо будут лишь некоторыми приложениями или разъяснениями тех языковых игр, в рамках которых эти моральные феномены разворачиваются. Мораль как часть социальности представляет собой тоже языковую игру, и в связи с этим возникает вопрос: каким образом люди, совершающие аморальные поступки, включены в эту игру? Разве мы не в праве сказать, что они нарушают правила игры? Дело в том, что

само нарушение правил есть также один из способов игры. Наш язык и наши действия – все это устоявшиеся практики, которые получают осмысленность при употреблении и реализации. Ошибки и промахи также вшиты в ткань этих практик, поэтому мы не можем сказать, что, к примеру, распушенный человек нарушает устоявшиеся формы жизни, ибо именно благодаря последним он и может проявлять себя как распушенный. В соответствии с этим имеется языковая игра, благодаря которой мы можем сказать: «Ты снова не сдержался!» Тем самым Витгенштейн переносит моральные вопросы с индивидуального сознания на уровень социальных практик, делая мораль контекстуальной и надындивидуальной. На это обращает внимание Альбер Ожье: в мире Витгенштейна мы обнаруживаем «бесчисленное количество “контекстуальных нормативных порядков”, каждый из которых состоит из двух типов ограничений: внешних (связанных с обществом и его институтами) и внутренних (связанных с поведенческими требованиями, вытекающими из взаимодействий, в которые вовлечены люди)» [Ogien, 2018, p. 38]. Когда мы порицаем аморального человека, мы апеллируем не столько к его моральному Я, сколько к устоявшимся контекстам и практикам. Как полагает Ожье, такое видение позволяет сгладить различие между индивидуальным долгом, как его понимают философы, и нормативным обязательством в социологии [Ibid., p. 37]. С нашей точки зрения, это положение вызывает некоторые вопросы. Представляется, что предложенная схема упускает из вида и единичное моральное сознание, которое является источником моральных интуиций, не зависящих от общества, а также вряд ли успешна в оценке социальных норм, поскольку делает упор на многообразие практик и не учитывает универсалистский характер некоторых моральных императивов.

Обратимся к примеру с шахматами: «...ход в шахматах состоит не просто в перемещении фигуры таким-то способом по доске – и не просто в мыслях и чувствах того, кто совершает этот ход: важны обстоятельства, которые мы называем “разыгрыванием шахматной партии”, “решением шахматной задачи” и так далее» [Витгенштейн, 2018, с. 37–38]. Сравним шахматную партию с морально-этическим взаимодействием. Моральное действие в таком случае есть не столько результат нашей делиберации, сколько следование правилам общества. Формы жизни, в которые мы включены, дают нам практику и опыт вынесения этических суждений. Наш внутренний опыт чувствования моральных переживаний – стыд, гордость, зависть, отвага и прочее – есть также некоторая «разыгрываемая шахматная партия». Но дело не только в том, что мы научились этому опыту, дело в том, что *только* в рамках этого опыта мы можем осмысленно говорить о морали. Чувство стыда проистекает не из моего морального облика и принципов, но из ситуации или действий, за которые мне следовало бы стыдиться. Почему некоторые люди не проявляют себя

так же, т.е. ведут себя бесстыдно? Видимо, они принимают участие в другой языковой игре и включены в другие формы жизни. Но даже с этим условием многие бесстыдные люди понимают, что им должно бы быть стыдно в определенной ситуации, хотя они и не испытывают такого чувства. Откуда они знают об этом? Можно быть в контексте одной языковой игры и при этом быть осведомленным о других контекстах? Но это противоречит базовому тезису: важны обстоятельства, т.е. включенность в контекст. Таким образом, все вышесказанное можно проблематизировать в следующем вопросе: как можно, будучи участником одной практики, знать о наличии иной практики (то есть практики с иными правилами)? Возможно, наш пример не очень удачный. Давайте попробуем его улучшить: некто употребляет слово X для обозначения одного предмета, но он также знает, что другие люди делают это иначе. Если смысл слова – это его использование, то как этот человек может понять смысл чужого использования? Только примеряя его на себя. Вероятно, есть возможность сделать это и без активного пользования этим новым словом, например, просто представив. С нашей точки зрения, все это ставит под вопрос тезис о том, что смысл слов и высказываний происходит исключительно из его использования, а также представление о том, что осмысленность действий задается контекстом и практиками, в которые включен субъект этого действия.

В заключение также хотелось обратить внимание на то, что контекстуализм в том виде, как он представлен в статье К.А. Родина, возможно, имеет собственные корни в социологии, а не был привнесён идеями позднего Витгенштейна, что не учитывается автором статьи. Обратимся к хрестоматийной работе основателя социологии Э. Дюркгейма «Самоубийство: Социологический этюд» (1897). В методологических предуведомлениях к этой работе Дюркгейм отмечает, что психологическое изучение феномена самоубийства необходимо заменить социологическим, т.е. показать внешние условия совершения этого, казалось бы, столь индивидуального решения. Дюркгейм полагает, что существуют «реальные, живые действующие силы, которые, определяя собою индивида, тем самым ясно доказывают, что они не зависят от него, по крайней мере тогда, когда он входит в качестве элемента в те комбинации, результатом которых они являются» [Дюркгейм, 1994, с. 8]. Может показаться, что речь идет о крупномасштабных социальных структурах (нация, раса, место проживания), а поэтому сравнение с «бесчисленным количеством контекстуальных нормативных порядков» неуместно. Однако автор социологического этюда предупреждает, что «сам материал настолько богат и разнообразен, что хранит в себе неистощимую возможность самого неожиданного, самого нечаянного стечения обстоятельств» [Там же, с. 5]. И добавляет: «...никогда не надо думать, что общее положение вещей можно объяснить при помощи обобщений» [Дюркгейм, 1994,

с. 6]. Таким образом, мы видим, что Дюркгейм в поиске объяснительных принципов отказывается от универсализаций в пользу частных контекстуально обусловленных практик. При этом он скептически относится к возможности обнаружить причины поступков в намерениях людей, совершающих эти поступки. «Само намерение есть слишком интимное проявление воли и может быть рассматриваемо извне только самым грубым и приблизительным образом; оно ускользает даже от внутреннего наблюдения» [Там же, с. 12]. В итоге мы получаем схожую картину: отход от психологизма, с одной стороны, и внимание к практикам, в которые включен индивид, с другой стороны.

Список литературы

- Витгенштейн, 2018 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Пер. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2018. 352 с.
- Дюркгейм, 1994 – *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр. А.Н. Ильинского; под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
- Родин, 2022 – *Родин К.А.* Заметки Л. Витгенштейна о намерении и действии в контексте социальной теории // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 1. С. 17–29.

References

- Durkheim, E. *Samoubiistvo: Sotsiologicheskii etyud* [Suicide: A Study in Sociology], trans. by A.N. Il'inskii, ed. by V.A. Bazarov. Moscow: Mysl' Publ., 1994, 399 pp. (In Russian)
- Ogien, A. *Practical Action: Wittgenstein, Pragmatism and Sociology*. Cambridge Scholars Publishing, 2018, 120 pp.
- Rodin, K.A. "Zametki L. Vitsgenshteina o namerenii i deistvii v perspektive sovremennykh podkhodov v sotsial'noi teorii" [Wittgenstein on Intention and Action in the Perspective of Contemporary Approaches in Social Theory], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 1, pp. 17–29. (In Russian)
- Wittgenstein, L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations], trans. by L. Dobrosel'skii. Moscow: AST, 2018, 352 pp. (In Russian)